

После того как Чжао Шэнь расплатился с носильщиком, Сян Юань протянул ему чашку горячего чая и спросил:

— Цзиньянь, это ты купил ткани? Похоже, они уже устарели?

С удовольствием сделав глоток, Чжао Шэнь почувствовал, как холод в желудке уходит, а руки, держащие чашку, постепенно оттаивают.

— Да, я специально купил устаревшие, они пригодятся в будущем.

Сян Юань с недоумением посмотрел на Чжао Шэня, но, не придумав, для чего могут понадобиться старые ткани, решил не задумываться. В конце концов, он обещал не слишком вмешиваться в дела Чжао Шэня.

— Если ты уверен, то хорошо. Давай поужинаем.

Вчера Чжао Шэнь купил столько тканей, а Сян Юань ничего не сказал, напротив, показал, что доверяет ему. Это приятно удивило Чжао Шэня, и он решил в ближайшие дни купить ещё.

В то же время в одной из городских ткацких лавок высокий и худощавый хозяин смотрел на старые запасы с беспокойством. Новый год уже прошёл, а эти старые ткани не только лежат без дела, но и занимают место. Обычно, когда заходили крестьяне, которые не могли позволить себе новую ткань, они покупали по несколько футов, но чтобы продать целый рулон, требовалось много времени, не говоря уже о таком количестве! Пока он размышлял, к нему подошёл служащий и с волнением сообщил, что кто-то покупает эти старые ткани, хотя цена невысока.

Низкая цена — не проблема, главное, что есть покупатель! Хозяин обрадовался и велел служащему узнать подробности. Когда информация поступила, лицо худощавого хозяина стало странным.

Покупателем оказался младший сын семьи Чжао, который недавно женился! Вот так дела.

Хозяин заколебался, боясь, что продажа тканей неопытному сыну семьи Чжао может обидеть хозяина. Однако после разговора с толстым хозяином из другой ткацкой лавки его сомнения развеялись.

Толстый хозяин сказал, что этот сын — незаконнорожденный и не пользуется особой любовью. Если продать ему ткани, хозяин не только не рассердится, но и будет рад. В конце концов, деньги в руках — это реально, а в чужих руках они могут достаться кому угодно.

Как оказалось, худощавый хозяин поступил правильно.

Чтобы Чжао Шэнь не узнал, что ткани из лавки семьи Чжао, и не отказался их покупать или не потребовал скидку, он специально перевёз старые запасы в дружественную лавку и лично

наблюдал, как Чжао Шэнь увозит ткани. Получив кошелек с тридцатью лянми, худощавый хозяин был в восторге. Он поспешил в резиденцию Чжао, чтобы доложить хозяину, но тот лишь махнул рукой, сказав, что знает, и велел помочь Чжао Шэню, если тот столкнется с трудностями в бизнесе. Конечно, помощь должна быть в разумных пределах.

Худощавый хозяин внешне выражал покорность, но в душе не соглашался.

Ткани уже проданы родному сыну, а теперь он притворяется заботливым отцом?

Чжао Шэнь, до свадьбы тайком выходивший учиться ремеслу, на самом деле был известен господину Чжао. Как бы он ни не любил Чжао Шэня, тот был его кровью, и, поскольку Чжао Шэнь не выходил за рамки приличий, господин Чжао закрывал на это глаза. Но теперь, судя по всему, Цзиньянь ещё не до конца овладел своим ремеслом! Даже если эти старые запасы превратить в цветы, какую цену они смогут получить?!

Хорошо, что его обменяли на Сян Лань и выдали замуж в семью Сян, иначе с такими завышенными амбициями, если бы он женился на ком-то из знакомых господина Чжао, его бы точно упрекали в плохом воспитании детей.

Что касается Сян Юаня, господин Чжао не питал больших надежд. Учился много лет, стал сюцаем только к двадцати годам, и, по мнению господина Чжао, на этом его карьера закончится. Если предки пошлют удачу, возможно, он станет цзюйжэнем, но в семье нет ни денег, ни влияния, и на должность чиновника он точно не попадет. В порыве эмоций господин Чжао заключил брачный союз с семьёй Сян, чуть не погубив Сян Лань, но, к счастью, был Цзиньянь, который мог заменить её.

А для Сян Лань выбрали семью Сунь, где будущий зять был не только красив и харизматичен, но и происходил из влиятельной семьи в Личжуне. В их роду было много образованных людей, а также чиновников в столице. После свадьбы, немного помогая Сюню и Сюэру, семья Чжао могла бы снова подняться и процветать.

А Сян Юань, которого господин Чжао не ценил, в это время тайком сидел в углу, держа в руках сборник для студентов, украдкой поглядывая на Чжао Шэня, который наслаждался зимним солнцем, играя в шахматы сам с собой.

Шахматы были единственным умением Чжао Шэня, которому он научился у отца, Сюй Исюаня. Когда возникали трудности или он чувствовал себя беспокойно, Чжао Шэнь играл в шахматы, чтобы успокоиться. А Сюй Исюань в это время вышивал. Чжао Шэнь всячески избегал попыток отца научить его вышивать.

Покупка тканей обошлась менее чем в десятую часть его сбережений. Чжао Шэнь решил использовать оставшиеся деньги, чтобы открыть магазин одежды. Он разбирался в тканях, а с дизайном одежды, по его мнению, тоже не будет проблем. Отец, Сюй Исюань, хоть и не был мастером в других делах, но хорошо разбирался в дизайне одежды и сочетании цветов. Пригласив отца в качестве дизайнера, он мог быть уверен в качестве и дать отцу возможность

зарабатывать, чтобы тот не зависел от семьи Чжао в плане еды, одежды и жилья. Ведь если госпожа разгневется, что будет с отцом?

Погружённый в мысли, Чжао Шэнь не заметил, как Сян Юань отложил книгу и взял кисть, начав рисовать его.

Вдохновение пришло внезапно, и Сян Юань не мог удержаться от желания запечатлеть эту умиротворённую сцену.

Зимнее солнце мягко светило через окно, создавая маленькие блики на подоконнике, где стоял горшок с нарциссами, изящными и неземными. В фарфоровой миске плавали две красные рыбки. На картине человек сидел у окна, его черты были ясны, поза изысканна, каждое движение излучало спокойствие и гармонию, как будто в него вошёл лёгкий ветер и яркий лунный свет.

Закончив партию в шахматы, Чжао Шэнь разобрался с мыслями и нашёл решение относительно магазина. Собрав фигуры, он повернулся и увидел, что Сян Юань сидит неподалёку, сосредоточенно работая кистью. Немного поколебавшись, он не удержался и подошёл, делая вид, что просто проходит мимо, и быстро взглянул на картину.

Одного взгляда было достаточно, чтобы Чжао Шэнь замер на месте. Сначала в его глазах появилось удивление, затем они стали сложными и неоднозначными, а в носу появилось лёгкое щекотание, и он почувствовал странное смешение эмоций.

Закончив подпись и поставив дату, Сян Юань с удовлетворением отложил кисть. Эта работа, созданная под вдохновением, действительно была полна жизни и изящества.

Сян Юань уже заметил, что Чжао Шэнь подошёл, и, видя, что тот стоит сзади и смотрит на картину, улыбнулся:

— Ну как? Удалось ли передать хотя бы десятую часть твоего образа?

Чжао Шэнь, глядя на картину, видел, как человек на ней выглядел спокойным и собранным, в его чертах не было беспокойства, только размышления. Таким он был в глазах Сян Юаня?

— Ты слишком скромн. Как можно передать лишь десятую часть? На мой взгляд, ты даже приукрасил.

Сян Юань только улыбнулся, аккуратно высушил картину, свернул её и, не говоря ни слова, передал Чжао Шэню. Хотя они молчали, между ними царил тёплая атмосфера, напоминающая идеальную пару из театральных пьес. Мысли Чжао Шэня начали блуждать.

— Эту картину я не хочу отдавать в лавку для выставки, так что, может, ты сохранишь её для меня?

Чжао Шэнь был застигнут врасплох и немного растерялся.

— Для меня?

Сян Юань кивнул.

— На ней изображён ты, так что лучше всего, если она останется у тебя.

Всего за несколько дней Сян Юань уже хорошо изучил характер Чжао Шэня. Если бы он прямо предложил подарить картину, Чжао Шэнь, скорее всего, отказался бы. Но, немного изменив формулировку, он сделал так, что Чжао Шэнь не смог отказаться, и теперь его жена с удовольствием сохранит картину.

Как и ожидалось, увидев, что Сян Юань передал ему картину и ушёл, Чжао Шэнь осторожно взял её и, убедившись, что Сян Юань исчез, снова развернул, чтобы внимательно рассмотреть.

Впервые кто-то нарисовал его! Он и не знал, что выглядит так на картине.

Подумав о том, что с наступлением весны пойдут дожди, Чжао Шэнь начал беспокоиться, что картина может отсыреть и испортиться. Он решил завтра же отнести её на оформление.

В городе был известный мастер по оформлению картин, которого Чжао Шэнь знал. Он жил в переулке Янцзя, недалеко от переулка Чуйлю, и был пожилым мастером. Когда Чжао Шэнь пришёл, мастер как раз закончил оформлять картину и велел ученику повесить её, чтобы клиент мог забрать. Увидев картину, которую развернул Чжао Шэнь, он удивился и подошёл ближе.

— Сян Цунцзы? Это какой-то известный мастер?

Чжао Шэнь на мгновение замер, затем покачал головой.

— Мастер Лу, это не известный мастер. Сян Цунцзы — это сюцай из семьи Сян в переулке Чуйлю.

Он немного помолчал, затем добавил:

— И мой муж.

<http://bllate.org/book/15532/1380975>